
Ю.Е. Вершинина

БОГ БЕЗ СЕМЬИ? РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ ХРИСТА И ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГРИГОРИЯ ТУРСКОГО

Настоящая статья посвящена реконструкции представлений о родственных связях Иисуса Христа в исторических и житийных произведениях, а также повествованиях о чудесах Григория Турского – одного из крупнейших писателей раннего Средневековья. В работе предпринимается попытка анализа терминов, отражающих родственные связи Бога-Сына, а именно, слов, которые использовались для обозначения его «земных» и «небесных» родственников. Описывая взаимоотношения внутри «земной» семьи Иисуса, Григорий Турский старался не прибегать к терминам родства. Изображая же отношения Христа с Богом-Отцом, в подавляющем большинстве случаев он использовал только их. Последнее вольно или невольно приводило к переносу представлений о взаимоотношениях между «земными» отцами и сыновьями на взаимоотношения между Богом-Отцом и Богом-Сыном. Таким образом, использование терминов родства могло влиять на восприятие и толкование Священного Писания и способствовать распространению таких ересей, как арианство, ложность которого Григорий Турский доказывал в своих трудах. Турский епископ подчеркивал, что в случае с Богом-Отцом и Богом-Сыном термины родства указывают лишь на способ установления отношений, а не порядок их возникновения или их сущность. Также в статье реконструируются образы родственников Иисуса и их роль в его жизни с точки зрения Григория Турского. Члены «земной» семьи Христа у турского епископа фактически не участвовали в жизни Бога-Сына. Его мать появлялась рядом с ним только в моменты его рождения и смерти. При этом Мария изображается не как мать, а как святая, пассивная при жизни, но творящая чудеса после смерти. Сводный брат Христа Иаков является его верным учеником и последователем, но не ведет себя как родственник. Таким образом, хотя у Иисуса в произведениях Григория Турского и были родственники, по сути, он был лишен семьи. Кроме того, делается попытка установить, как на восприятие родственных связей Христа турским епископом повлияли представления об отношениях между родственниками, сложившиеся во Франкии VI в. В частности, «земная» семья Христа не полностью соответствовала взглядам ни на «обыкновенный» (в браке у женщины был ребенок, но не ребенка мужа), ни на «идеальный» (брак был «непорочным», но в нем родился ребенок) брак,

господствовавшим во франкском обществе VI в. Все эти соображения могли помешать Григорию Турскому использовать истории из «семейной» жизни Иисуса Христа (если он и знал их) в дидактических целях в качестве эталона родственного поведения христиан. Полемика Григория Турского с еретиками анализируется нами с целью установить, насколько его представления о родственных отношениях Христа разделялись его современниками. У последних, вероятно, существовали некоторые сомнения относительно божественности Бога-Сына, поскольку в своих сочинениях епископ постоянно провозглашает равенство Бога-Отца и Бога-Сына и подчеркивает непорочность Девы Марии, которую она сохранила как после зачатия, так и после рождения Иисуса Христа. Кроме того, делается попытка выявления жанровых особенностей изображения семейных связей Иисуса в различных по характеру нарративах, созданных турским епископом. Повествования о чудесах и жития святых, которые, вероятно, предназначались их автором в первую очередь для католиков, твердо веровавших в равенство Бога-Отца и Бога-Сына, не содержат подробных описаний взглядов автора на отношения между Богом-Отцом и Богом-Сыном. «История франков», по всей видимости, была предназначена для более широкой аудитории, включая ариан или людей, которые все еще сомневались в учении католической церкви, в связи с чем, вероятно, в нее и были включены главы, в которых подробно излагался католический взгляд на различные аспекты отношений Христа и его родственников.

Ключевые слова: родство, Бог-Отец, Бог-Сын, Иисус Христос, Богоматерь, Григорий Турский, «История франков», раннее Средневековье

В последних главах «Истории франков» Григорий Турский помещает следующий рассказ о появлении лже-Христа в одном из городов Франкии:

...одного человека из Буржской области, как он сам впоследствии рассказывал, когда он пришел в лес, чтобы срубить деревья, нужные ему для какого-то дела, облепил рой мух, отчего в течение двух лет он был безумен; из этого можно уразуметь, что порча эта исходила от дьявола. После этого тот человек прошел соседние города и дошел до Арльской провинции, и там, облачившись в шкуру, молился, как святой. И, искушая его, враг рода человеческого наделил его даром прорицания. После того, все глубже погружаясь в великом грехе, он переменял место. Покинув упомянутую провинцию, он пришел в город Жаволь, называя себя великим и не боясь объявить себя даже Христом. С ним была некая женщина, которую он выдавал за сестру и велел называть ее Марией...¹ (Григорий Турский 1987. С. 307).

¹ ...Quidam enim ex Biturigo, ut ipse postmodum est professus, dum saltus silvarum ingressus ligna caederet explendam operis cuiusdam necessitatem, muscarum eum circumdedit examen, qua de causa

Этот рассказ позволяет заключить, что, с точки зрения Григория Турского, христиане во Франкии VI в. имели представление о существовании родственников у Иисуса Христа и их роли в его мессианской деятельности. В то же время знания современников турецкого епископа в этом вопросе были весьма поверхностны, что делало возможным не только деятельность лжепророков, но и появление различных толкований этих самых родственных связей вплоть до возникновения на их основе еретических учений.

В связи с этим важным мыслится изучение представлений о «семье» Иисуса Христа, содержащихся в различных раннесредневековых нарративах. Последние, будучи сами продуктом современной им культуры, могли оказывать значительное влияние на картину мира своей аудитории, трансформируя ее в желательном для них ключе. В раннее Средневековье метафорика родства активно использовалась в текстах различной жанровой принадлежности при освещении богословских проблем. Однако это вольно или невольно влекло за собой перенос существовавших в конкретном сообществе представлений о взаимоотношениях родственников на персонажей Священного Писания, прежде всего, на Иисуса Христа и его «семью», что, в свою очередь, могло приводить к формированию взглядов не в полной мере соответствующих догматам христианской церкви.

Задача настоящей работы – реконструкция представлений о родственных связях Иисуса Христа в трудах Григория Турского – одного из крупнейших писателей раннего Средневековья. Нашей целью является не только воссоздание портрета «семьи» Христа, но и выяснение, насколько на него влияли представления о нормах родственных взаимоотношений среди мирян, и отличался ли он от того, что существовал у некоторых современников турецкого епископа, а также имели ли место жанровые особенности при его изображении в различных нарративах.

* * *

В качестве источника нашего исследования мы обратимся к работам одного из наиболее известных и влиятельных писателей раннего Средневековья – Григория Турского. Григорий Флоренций родился в 538/539 г.² в семье галло-римских аристократов Флоренция и Арментарии. Отец

per biennium amens est habitus; unde intellegi datur, diaboli emissionis fuisse nequitiam. Post haec, transactis urbibus propinquis, Arelatensim provintiam adiit ibique indutus pellibus quasi relegiosus orabat. Ad quem inludendum pars adversa divinandi ei tribuit facultatem. Ex hoc, ut in maiori proficeret scelere, commotus a loco, provintiam memoratam deserens, Gabalitanae regiones terminum est ingressus, proferens se magnum ac profiteri se non metuens Christum, adsumptam secum mulierem quendam pro sorore, quam Maria vocitari fecit... (Hist. X. 25. P. 517–518).

² Называются также даты 540 г. (Krusch 1969. P. 238, n. 3), 543 г. (Ефремова 2010. С. 146).

Григория был представителем сенаторской аристократии Оверни. Предком семьи Флоренциев турский епископ называет лионского мученика Веттия Эпагита. Его мать происходила из не менее знатного и уважаемого рода. Она состояла в родстве не только со святыми и епископами, но и светскими чиновниками высокого ранга. Семья Григория была очень богата и обладала значительным политическим влиянием, контролируя одни из важнейших галльских епископств в Туре, Лионе и Лангре. Рукоположение Григория, вероятно, состоялось до 563 г. В период 563–573 гг., благодаря своему происхождению, богатству, связям и уму, он добился покровительства правителей Австразии королевы Брунгильды и короля Сигиберта и подружился с поэтом Венанцием Фортунатом. В 573 г. Григорий был посвящен в епископы города Тура, каковым он и оставался вплоть до своей смерти в 593/594 г. Этот относительно небольшой город не только был центром метрополии, но и центром почитания св. Мартина – одного из наиболее известных святых меровингской Галлии. В качестве епископа Григорию приходилось выполнять как свои прямые обязанности и заботиться о нуждах своей епархии, так и принимать участие в политической жизни королевства, выступая в качестве советника и посланника при королях из династии Меровингов³.

Кроме того, Григорий активно занимался писательским трудом. Все-го им было написано порядка десяти сочинений, среди которых исторические и житийные нарративы, а также естественнонаучный трактат, комментарии на Псалтырь и переводы⁴. В настоящем исследовании мы обратимся к его историческим и житийным трудам, а также повествованиям о чудесах:

- «*Historiarum Libri X*» (более известная российскому читателю как «История франков») (Gregorii Episcopi Turonensis 1951. P. 1–537, далее Hist.; русский перевод: Григорий Турский 1987);
- «*Liber in gloria martyrum*» (Gregorii Episcopi Turonensis 1969. P. 34–111, далее GM);
- «*De passione et virtutibus sancti Iuliani martyris*» (Ibid. P. 112–133, далее VJ);
- «*De virtutibus sancti Martini episcopi*» (Ibid. P. 134–210, далее VM);
- «*Liber vitae partum*» (Ibid. P. 211–283, далее VP);
- «*Liber in gloria confessorum*» (Ibid. P. 284–370, далее GC);
- «*Liber de miraculis beati Andreae apostoli*» (Ibid. P. 371–395, далее MA; русский перевод: Григорий Турский 1999. С. 214–242);

³ Подробно о биографии Григория Турского см.: Heinzelmann 2001. P. 7–29; Heinzelmann 2015. P. 7–34; Савукова 1987. С. 321–350.

⁴ Полный список работ Григория Турского с указанием существующих переводов на английский язык см.: Dailey 2015. P. XI.

- «*Passio sanctorum martyrum septem dormientium apud Ephesum*» (Gregorii Episcopi Turonensis 1969. P. 396–403, далее PS; русский перевод: Григорий Турский 1998. С. 175–180)⁵.

Работы Григория Турского выбраны нами в связи с тем, что, он как представитель галло-римской аристократии получил прекрасное для своего времени образование. Находясь в родстве с несколькими епископами, которые принимали активное участие в его воспитании, он имел возможность получить обширные знания в богословских вопросах и углубить их, уже будучи практикующим священнослужителем, а затем и епископом. Благодаря своему положению в обществе, он принимал участие во многих важнейших политических событиях, имел возможность лично беседовать с высокопоставленными представителями других конфессий и приближенными ко двору приверженцами других вероисповеданий. Его произведения, как уже было отмечено выше, принадлежат к различным жанрам, что позволит нам более полно воссоздать представления автора о семье Иисуса Христа. Кроме того, это дает возможность проследить особенности их отражения в произведениях различной жанровой принадлежности. Наконец, труды Григория Турского пользовались популярностью у современников и потомков, влияя на складывающиеся у них представления о родственных связях Иисуса Христа.

* * *

В работах Григория Турского Иисус изображается в качестве центра двух «семей». Первую можно назвать «земной». В нее входили его мать Мария, ее муж Иосиф и сын последнего от первого брака Иаков. Вторая семья – «небесная» – состояла из Иисуса как Бога-Сына и его Бога-Отца. Два этих коллектива изображены, как существующие изолированно друг от друга, члены одного из них у Григория Турского не взаимодействуют с членами другого напрямую. Единственным связующим звеном между ними служит Христос.

Если мы обратимся к терминологическому аспекту описания его родственных связей, то увидим, что чаще всего термины родства используются именно по отношению к нему самому и его Богу-Отцу. В «Истории франков» слово *pater* упоминается более 250 раз, из них почти 40% приходятся на Бога-Отца. В остальных анализируемых нами произведениях Бог-Отец встречается лишь в GM, VM, VP и MA (см. табл. 1). Слово *filius* в «Истории франков» встречается порядка 440 раз, из них в 24% случа-

⁵ На возможность использования агиографии в качестве источника для изучения семьи и родственных отношений в период Средневековья одним из первых обратил внимание Л. Теис: Theis 1976.

ев речь идет об Иисусе Христе. В то же время, количество упоминаний здесь Бога-Отца и Бога-Сына почти одинаково: для указания на каждого из них термины родства используются порядка 90 раз. Бог-Сын фигурирует в тех же произведениях, что и Бог-Отец, за исключением единственного случая в GC (см. табл. 1).

Таблица 1.

Количество упоминаний терминов *pater* и *filius* для обозначения Бога-Отца и Бога-Сына в произведениях Григория Турского

Произведение	Количество упоминаний (%)	
	Pater	Filius
Historiarum Libri X	90 (40%)	98 (24%)
Liber in gloria martyrum	6 (50%)	7 (30%)
De virtutibus sancti Martini episcopi	3 (19%)	2 (9%)
Liber vitae partum	7 (30%)	3 (13%)
Liber de miraculis beati Andreae apostoli	1 (10%)	10 (24%)
Liber in gloria confessorum	-	1 (8%)

При этом упоминания о Боге-Отце и Боге-Сыне не распределены в текстах равномерно, а преобладают в сюжетах определенной тематики. Так, в «Истории франков» они сконцентрированы преимущественно в главах, затрагивающих различные богословские проблемы. Основная цель этих глав – формулирование догматов и доказательство истинности учения католической церкви через опровержение учения ариан, а также других еретиков и евреев. Изучение доводов, которые Григорий Турский приписывал противникам католического учения, и тех, которые он предлагал в его защиту, показывает, что одним из основных источников разногласий стали противоречия в представлениях об отношениях между родственниками среди людей и в «небесном» семействе.

Анализ «Истории франков» показывает, что Григорий Турский придавал большое значение борьбе с распространением арианства. Основная часть «богословских» глав посвящена именно антиарианской полемике (см.: Hist. II. 2–3; III. Praef., 31; V. 43; VI. 18; IX. 15). С точки зрения турского епископа, один из главных камней преткновения в споре между католиками и арианами формулировался следующим образом:

Агила (арианин)

...Ex adsumptum hominem
coepit Dei filius vocitari;
nam erat quando non erat...⁶
(Hist. V. 43. P. 250);

Григорий Турский (католик)

...Credo ergo in Deum patrem omnipotentem.
Credo in Iesum Christum, filium eius unicum,
dominum nostrum... non post tempora, sed ante
cunctum tempus semper fuisse cum patre...
Illos vero, qui dicunt: 'Erat quando non erat',
execrabiliter rennuo et ab eclesia segregare
contestor...⁷ (Hist. I. Praef. P. 3–4);

...Audi David dicentem ex persona Patris:
Ex utero ante lucifero genui te. Et Iohannis
euangelista ait: In principio erat Verbum, et
Verbum erat apud Deum, et Deus erat Verbum.
Hoc ergo Verbum caro factum est et habitabit
in nobis, per quem facta sunt omnia. Nam vos
caecati veneno persuasionis, nihil dignum de Deo
sentitis...⁸ (Hist. V. 43. P. 250).

Таким образом, в изображении Григория Турского противоречия были связаны с несоответствием именованя участников взаимоотношений порядку установления этих отношений. Арианин, опираясь на традиционные для его сообщества практики и представления, утверждал, что термины *сын* и *отец* применительно к лицам Троицы указывали на порядок их появления. Иными словами, что Бог-Отец существовал какое-то время без Бога-Сына, точно также как мужчина становится отцом спустя некоторое время после своего рождения. Опровергая эти представления, турский епископ предлагал рассматривать термины *pater* и *filius* применительно к членам Троицы, как описывающие способ установления отношений, но не порядок их установления или характер: «... Sed nec Pater esset utique, si filium non haberet... Intellegi, quia Pater in Filio et Filius in Patre in una semper Deitate subsistit...»⁹ (Hist. V. 43. P. 249–250. См. также Hist. I. Praef. P. 3–4).

⁶ «...Сыном Божиим Он начал называться, когда воспринял человеческую природу; ибо было, когда Его не было...» (Григорий Турский 1987. С. 147).

⁷ «...Итак, я верую во всемогущего Бога Отца. Верую во единого Сына Его Иисуса Христа, Господа нашего, рожденного от Отца, но не сотворенного, и верую в то, что он всегда был с Отцом, не во времени, но до всякого начала времен... Но тех, кто говорит: "Было, когда его не было", я с проклятием отвергаю и умоляю отлучать от церкви...» (Там же. С. 7).

⁸ «...Послушай, как говорил Давид от имени Отца: "Из чрева прежде денницы Я родил Тебя". И Иоанн-евангелист говорит: "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. И это Слово стало плотью, и обитало с нами, чрез Которого все произошло". Вы же ослеплены ядом предубеждения и недостойно думаете о Боге...» (Там же. С. 147).

⁹ «...Но и Он вовсе не был бы Отцом, если бы он не имел Сына... Уразумей, что всегда Отец существует в Сыне и Сын в Отце в Едином Божестве...» (Там же).

Другое важное противоречие между католическим и арианским учением с точки зрения Григория Турского было связано с несоответствием именованию лиц Троицы сути их взаимоотношений:

Агила (арианин)

... ‘Iniqua’, inquit, ‘fuit antiquorum episcoporum lata sententia, quae aequalem adseruit Filium Patri...

Cuius quis implet voluntatem, eius et iunior est; semper filius minor est patri, quia ille facit voluntatem patris, nec pater illius voluntatem facere non probatur...¹⁰ (Hist. V. 43. P. 249–250).

Григорий Турский (католик)

...Nos vero unum atque invisibilem et immensum, inconpraehensibilem, inclitum, perennem atque perpetuum

Dominum confitemur, unum in Trinitate propter personarum numerum, id est Patris et Filii et Spiritus sancti; confitemur et trinum in unitate propter aequalitatem substantiae, deitatis, omnipotentiae vel virtutis; qui est unus summus atque omnipotens Deus in sempiterna saecula regnans...¹¹

(Hist. III. Praef. P. 97).

Григорий Турский, как и в предыдущем случае, считал, что термины родства *отец* и *сын* по отношению к членам «небесного» семейства, следует трактовать только как указывающие на способ установления родства и ни на что больше. Арианин же отталкивался от привычного для него взгляда на отношения *отца* и *сына* как неравные, в которых первый занимает более высокое положение и может распоряжаться вторым. Для него термины родства имеют решающее значение при толковании Священного Писания и других богословских текстов, определяя место Иисуса Христа в его «небесной» семье как второстепенное и подчиненное, отдавая главенство в ней Богу-Отцу:

¹⁰ «...С давних времен у епископов, – сказал он, – было распространено неправильное мнение о том, что Сын равен Отцу... Кто выполняет чье-либо желание, тот и ниже, сын всегда ниже отца, так как он выполняет волю отца, и не подобает отцу выполнять волю сына...» (Там же).

¹¹ «...Мы же исповедуем Господа единого, нераздельного и необъятного, непостижимого, славного, бесконечного и вечного, исповедуем единого в Троице, при достоинстве Лиц, то есть Отца и Сына и Святого Духа: признаем и троичность в единстве, при тождестве сущности, божественности, всемогущества и силы; Он есть единый великий и всемогущий Бог, и царствует Он во веки веков...» (Там же. С. 61).

Агила (арианин)

...vel qualiter', inquit, 'poterit esse Patri aequalis in potestate, qui ait: Pater maior me est?... eum et aetate et potestate paterna minorem...'¹² (Hist. V. 43. P. 249).

Григорий Турский (католик)

...Nam tu qui dicis: Pater maior me est, oportit te meminere, quod alibi ait: Ego et Pater unum sumus. Nam et mortis timor et commendatio spiritus ad infirmitatem corporis est referenda, ut, sicut verus Deus, ita et verus homo credatur'...'¹³ (Hist. V. 43. P. 250).

В то же время сам Григорий Турский не всегда последователен в интерпретации функций терминов родства при именовании членов «небесного» семейства. Другой аргумент ариан, доказывающий более низкое по сравнению с Богом-Отцом положение Бога-Сына, Григорий Турский опровергает, приводя следующий довод:¹⁴

...De fine vero mundi ea sentio quae a prioribus didici, Antechristum prius esse venturo... Sed diem illam omnibus hominibus oculi ipse Dominus manifestat, dicens: De die autem illa et ora nemo scit, neque angeli caelorum neque filius, nisi Pater solos. Sed et hic respondibimus hereticis, qui nos impugnant, asserentis, minorem esse Filium Patri, qui hanc diem ignoret. Cognoscant ergo, hunc filium christianum populum nuncopatum, de quo a Deo praedicetur: Ego ero illis in patre, et ipsi erunt mihi in filios. Si enim haec de unigenito Filio praedixisset, nunquam ei angelos praeposuisset. Sic enim ait: Neque angeli caelorum neque filios; ostendens non de unigenito, sed de adoptivo populo haec dixisse...'¹⁴ (Hist. I. Praef. P. 4–5).

Таким образом, в отношениях «усыновленного» сына (христианского народа) и Бога-Отца именование определяет их суть: *сын* здесь ниже *отца*, который имеет полную власть над ним и его судьбой, и ниже Иисуса Христа – «*unigenitus Filius*» Бога-Отца.

¹² «... Каким же образом, – продолжал он, – может быть равен в могуществе Тот, Кто сказал: “Отец Мой более Меня”... Отсюда ясно, что Он [Христос] уступает Отцу [Господу] и по возрасту, и по могуществу...» (Там же. С. 146–147).

¹³ «...Что же касается фразы, как ты говоришь, сказанной Сыном: “Отец Мой более Меня”, знай, что эти слова Он сказал, имея в виду измененность принятой Им плоти, для того чтобы ты знал, что искупление совершилось не через могущество, а через смирение...» (Там же. С. 147).

¹⁴ «...О конце же света мысля так, как научился от прежде бывших: что сначала придет Антихрист... Но день сей – для всех людей тайна, как и Сам Господь свидетельствует: “О дне же том или часе никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец”. Еретикам же, нападающим на нас и утверждающим, что Сын меньше Отца, так как Он [Сын] не знает сего дня, ответим так: да будет им ведомо, что сыном этим назван весь род христианский, о котором Господом предречено: “И буду им Отцом, и они будут Мне сынами”. Если бы Господь предрек так о своем Единородном Сыне, Он никогда не поставил бы ангелов прежде него. Ибо сказано: “Ни Ангелы небесные, ни Сын...”, утверждая [тем самым], что Он сказал это не о Единородном Сыне, но об усыновленном сыне-народе...» (Там же. С. 8).

Называясь сыновьями Бога-Отца, Бог-Сын и христиане по-разному взаимодействуют с ним:

Бог-Сын

...cum ad resuscitandum venit Lazarum, ait: Pater, gratias ago tibi, quoniam audisti me. Et ego sciebam, quia semper me audis; sed propter turbam, qui circumstat, dixi, ut credant, quia tu me misisti. Sed et cum ad passionem venit, ait: Pater, clarifica me claritatem quam habui apud te ipsum, priusquam mundus fieret. Cui Pater de caelo respondit: Et clarificavi et iterum clarificabo...¹⁵ (Hist. V. 43. P. 250. См. также Hist. VI. 40. P. 312–313).

Христиане

...Sic enim dominici oris sententia prolata testatur: Si, inquit, dimiseritis hominibus peccata eorum, dimittit et Pater vester caelestis peccata vestra. Cum vero supplices famulos docet orare, ait: Sic enim dicitis ad Patrem: ‘Dimitte nobis debita nostra, quemadmodum et nos dimittimus debitoribus nostris’... Dominum dixisse per euangelium: Intra in cubiculum, et clauso ostio, ora Patrem tuum; et Pater tuus, qui videt in absconso, reddet tibi...¹⁶ (VP. XIV. Praef.–I. P. 267–268).

Деяния апостолов и христиан в целом служат, по словам Иисуса Христа, прославлению Бога-Отца: «...sicut in euangelio ait... luceat lux vestra coram hominibus, ut videant opera vestra bona et glorificent Patrem vestrum, qui est in caelis...»¹⁷ (VP. XVIII. Praef. P. 283). Но когда арианин утверждает, что и дела Иисуса Христа служили исключительно прославлению Бога-Отца, Григорий Турский оспаривает его мнение:

¹⁵ «... когда Он пришел воскресить Лазаря: “Отче, благодарю Тебя, что услышал Меня. Я знал, что Ты всегда услышишь Меня; но Я сказал сие для народа, здесь стоящего, чтобы поверили, что Ты послал Меня”. И когда Он пришел на страдание, Он сказал: “Отче, прославь Меня славою, которую Я имел у Тебя Самого прежде, до бытия мира”. Отец Ему с высоты небес ответил: “И прославил и еще прослаблю”...» (Там же. С. 147).

¹⁶ «... Ибо так судит об этом Господь: “Аще бо отпускаете человекомъ согрешения ихъ, отпустить и вамъ Отецъ вашъ Небесный” (Мф. 6, 14). И когда Он учит смиренных своих рабов молиться Ему, Он говорит: “Помолися Отцу твоему: (...) и остави намъ долги наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ” (Мф. 6, 6 и 12)... сказанно Господом в евангелии: “Ты же, егда молишися, вниди въ клетъ твою, и затворивъ двери твоя, помолися Отцу твоему, иже въ тайне; и Отецъ твой, видяй въ тайне, воздасть тебе яве” (Мф. 6, 6) ...» (перевод мой. – *Ю. В.*).

¹⁷ «... так сказал Он в евангелии: “Вы есте светъ мира” (Мф. 5, 14), и еще: “Тако да просветится светъ вашъ предъ человеки, яко да видятъ ваша добрая дела и прославятъ Отца вашего, иже на Небесехъ” (Мф. 5, 16) ...» (перевод мой. – *Ю. В.*).

Опила (арианин)

...‘Quia’, inquit, ‘gloriam non recte responditis; nam iuxta Paulum apostolum nos dicimus: Gloria Deo Patri per Filium’; vos autem dicitis: ‘Gloria Patri et Filio et Spiritu sancto’, cum doctores ecclesiarum doceant, Patrem per Filium nuntiatum fuisse in mundum, sicut ipse Paulus ait: Regi autem saeculorum immortali et invisibili, soli Deo honor et gloria in saecula saeculorum, per Iesum Christum dominum nostrum’...¹⁸ (Hist. VI. 40. P. 311).

Григорий Турский (католик)

...Et ego respondi: ‘Patrem per Filium adnuntiatum nulli catholicorum esse incognitum, reor; sed sic praedicavit Patrem in saeculo, ut et se virtutibus ostenderit Deum... Nam tu, qui dicitis: Gloria Patri per Filium’, ademis gloriam Filio, quasi ipse non sit gloriosus cum Patre, propter quod eum adnuntiavit in mundum...¹⁹ (Hist. VI. 40. P. 311).

В то же время в «Житии св. аббата Марция» Григорий Турский фактически уравнивает Бога-Сына и христиан, называя их наследниками Бога-Отца, сближая тем самым образ Бога-Отца и Бога-Сына с «земными» *отцами* и *сыновьями*: «...filium te Dei Patris facit, coheredem Christi adscribit, caelestibus te regnis habitetorem statuit...»²⁰ (VP. XIV. Praef. P. 267). Перечисленные выше обстоятельства демонстрируют, что сам Григорий Турский при интерпретации отношений членов «небесного» семейства Христа был не вполне свободен от влияния привычных ему представлений о взаимодействиях между *отцом* и *сыном* внутри его собственного коллектива.

Необходимо отметить, что именно «История франков» стала для Григория Турского основной площадкой для полемики с арианством. Из остальных анализируемых нами произведений противоречия между католиками и арианами упоминаются только в «Liber in gloria martyrum» (GM. 80–81. P. 92–93). Однако здесь турский епископ не излагает подробно аргументы сторон, ограничиваясь констатацией существования разногласий: «...Africanorum presbiter cum diacono nostrae religionis altercationem habebat, proferens contra Dei Filium ac Spiritum sanctum, ut

¹⁸ «...Потому что ты неправильно славите Господа, ибо, согласно апостолу Павлу, мы говорим: “Слава Богу Отцу через Сына”; вы же говорите: “Слава Отцу и Сыну и святому Духу”, хотя учителя церкви учат, что отец был возведен миру через сына, как и говорит сам Павел: “Царю же веков нетленному, невидимому, единому Богу честь и слава во веки веков через Иисуса Христа, нашего Господа”...» (Григорий Турский 1987. С. 184).

¹⁹ «...Каждому католику известно, я думаю, что отец был возведен сыном. Но он возвестил об отце в мире так, что в чудесах он и себя явил Богом... Но когда ты говоришь: “Слава Отцу через Сына”, ты этим отнимаешь славу у Сына, словно он сам не славится вместе с Отцом за то, что он возвестил миру об Отце...» (Там же).

²⁰ «...это делает вас детьми Бога-Отца, причисляет к сонаследникам наряду со Христом, и утверждает вас в качестве жителей Небесного Царствия...» (перевод мой. – Ю. В.).

mos genti est, venenosas adsertiones...»²¹ (GM. 80. P. 92). Все его внимание сосредоточено на рассказе о чудесах, которые были явлены защитникам католической веры. По всей видимости, здесь мы имеем дело с жанровой спецификой представления сюжетов, имеющих отношение к антиарианскому дискурсу. Возможно, она была связана с тем, что повествования о чудесах и жития могли предназначаться их автором, прежде всего, для католиков, которые уже твердо уверовали в равенство Бога-Отца и Бога-Сына, в то время как «История франков» могла быть предназначена для более широкой аудитории, в том числе для ариан или людей, которые еще сомневались в истинности учения католической церкви о Троице и нуждались в убеждении с помощью аргументов из Священного Писания.

Анализ произведений Григория Турского показал, что использование терминов родства для именованя лиц Троицы вольно или невольно приводило к восприятию Бога-Отца и Бога-Сына в качестве «семьи» и переносу на них представлений о взаимоотношениях между «земными» отцами и сыновьями. Еще большую путаницу вносило представление о христианах как усыновленных детях Бога-Отца, отношения с которыми у последнего строились так же, как у земных *отцов* и *детей*. Отсутствие же термина родства для описания роли Святого Духа, судя по нарративам Григория Турского, дополнительно усложняло восприятие догмата о Троице. Так, вестготский король-арианин Леовигильд, пытаясь склонить католиков в своей стране к переходу в арианство, утверждал, по словам Григория Турского, следующее: «...Manefeste cognovi, esse Christum filium Dei aequalem Patri; sed Spiritum sanctum Deum penitus esse non credo...»²² (Hist. VI. 18. P. 287).

Все это вызывало конфликты при толковании священных книг и богословских трактатов, а попытки внести ясность в ситуацию приводили к появлению ересей. Так, согласно Григорию Турскому, король Нейстрии Хильперик I предложил следующее решение существующей проблемы: «...adfirmans etiam, ipsum esse Patrem, qui est Filius, idemque ipsum esse Spiritum sanctum, qui Pater et Filius...»²³ (Hist. V. 44. P. 253). В ответ на это турецкий епископ вновь «напомнил» о специфике взаимоотношений между Богом-Отцом и Богом-Сыном и о ролях, которые лица Троицы играли в деле спасения человечества: «...Nam scias, quia in persona aliter

²¹ «...Пресвитер арианин затеял с диаконом нашей веры спор, высказывая ядовитые суждения против Сына Божия и Святого Духа, как то свойственно последователям этого учения...» (перевод мой. – Ю. В.).

²² «...Я ясно постиг, что Христос, Сын Божий, равен отцу. Но я совсем не верю, что Дух Святой есть в полном смысле Бог, так как ни в каких писаниях нельзя прочесть о том, что это бог...» (Григорий Турский 1987. С. 170).

²³ «...Он утверждал также, что сам Отец есть в то же время и Сын и Он же Сам является Святым Духом, будучи Отцом и Сыном...» (Там же. С. 149).

Pater, aliter Filius, aliter Spiritus sanctus. Non Pater adsumpsit carnem neque Spiritus sanctus, sed Filius, ut, qui erat Dei filius, ipse ad redemptionem hominis filius haberetur et virginis. Non Pater passus neque Spiritus sanctus, sed Filius, ut, qui carnem adsumpserat in mundo, ipse offerretur pro mundo...»²⁴ (Hist. V. 44. P. 253). Тем не менее, тот факт, что сам король озабочен решением богословской проблемы, вызванной противоречиями между профанным восприятием отношений *отца* и *сына* и толкованием таковых между Богом-Отцом и Богом-Сыном, свидетельствует о ее важности для франкского общества VI в.

* * *

Полемика с евреями, по всей видимости, была менее актуальна для Григория Турского, чем борьба с арианством. Тем не менее, в «Истории франков» достаточно пространно излагается диспут ее автора и короля Хильперика I с иудеем (Hist. VI. 5. P. 268–272). Суть разногласий сводится к отказу последнего признать Иисуса Христа богом на основании его «неясного» происхождения:

**Король Хильперик I
(христианин)**

...Deus ab spiritali utero Filium genuit sempiternum, non aetati iuniori, non potestati minori, de quo ipse ait: Ex utero ante lucifero genui te...²⁵ (Hist. VI. 5. P. 269).

Приск (еврей)

...Deus non egit coniugium neque prole ditatur neque ullum consortem regni habere patitur...²⁶ (Hist. VI. 5. P. 269).

Вновь мы сталкиваемся с противоречиями, связанными с несоответствием именованя и содержания понятий. С точки зрения профанного восприятия, на которое, очевидно, опирается оппонент короля и турецкого епископа, наличие *сына* у Бога-Отца предполагало наличие у него жены / женщины, которая родила ему ребенка. Иные способы появления *сына* у *отца*, пусть и Бога, иудей не рассматривал. В ответ на доводы

²⁴ «...Тебе подобает следить за тем, чтобы ты не восстановил против себя и Бога, и святых Его. Да будет тебе ведомо, что в лице – иное Отец, иное Сын и иное Дух Святой. Ведь не Отец воспринял плоть и не Дух Святой, а Сын, который, будучи Сыном Божьим, для искупления грехов людей, сделался и сыном женщины. Страдал не Отец и не Дух Святой, но Сын, воспринявший плоть в мире, чтобы Самому быть принесенным в жертву за мир...» (Там же).

²⁵ «...Господь из духовного чрева родил Предвечного Сына, ни возрастом не младшего, ни могуществом не меньшего, о котором Сам говорит: “Из чрева прежде денницы Я родил Тебя”...» (Там же. С. 160).

²⁶ «...Бог и в брак не вступал, и потомства не плодит, и совладельца Царствия Своего не терпит...» (Там же).

Приска Григорий Турский, кроме традиционного утверждения, что Бог-Сын всегда сосуществовал с Богом-Отцом («Hunc ergo ante saecula natum in novissimis saeculis mundo misit sanatorem»²⁷ – Hist. VI. 5. P. 269), напомнил ему о том, что ребенка можно и «усыновить»: «...Quod autem ais, quia ipse non generit, audi prophetam tuum dicentem ex voce dominica: Numquid ego, qui alius parere facio, ipse non paream? Haec enim de populo, qui in eum per fidem renascitur, ait'...»²⁸ (Hist. VI. 5. P. 269). Таким образом, Григорий Турский вновь настаивает, что воспринимать именование лиц Троицы *отцом* и *сыном* нужно лишь как указание на способ установление взаимоотношений между ними и не распространять на них остальные присущие человеческому обществу представления о порядке установления этих отношений или их сути.

Однако, кроме «отцовства» Бога-Отца в отношении Бога-Сына, сомнения в божественности последнего у иудея были связаны и с его матерью: «...Numquid Deus homo fieri potuit aut de mulieri nasci, verberibus subdi, morte damnare?...»²⁹ (Hist. VI. 5. P. 269). Иными словами, Приск сомневался, могла ли простая женщина родить бога, можно ли считать рожденного ею ребенка таковым? Григорий Турский никак не комментирует практическую сторону этого вопроса, отвечая лишь, что рождение Иисуса Христа было предсказано пророками, а его божественность подтверждается тем, что он был зачат и рожден девственницей, которая осталась таковой и после его рождения: «...Quod autem de virgine nascitur, audi similiter prophetam tuum dicentem: Ecce virgo in utero concipiet et pariet filium, et vocabitur nomen eius Emmanuhel, quod est interpretatum: Nobiscum Deus...»³⁰ (Hist. VI. 5. P. 270). По всей видимости, подобные или близкие по характеру сомнения возникали не только у еврея Приска, но и у более широкой аудитории, поскольку свою верность догмату о непорочности Девы Марии Григорий Турский утверждает в самом начале «Истории франков»: «...Credo beatam Mariam, ut virginem ante partum, ita virginem et post partum...»³¹ (Hist. I. Praef. P. 4), а затем неоднократно повторят его.

Таким образом, божественность Христа констатируется через противоречие между тем, как обычные люди становятся родителями и как

²⁷ «...Итак, его, до века рожденного, он послал в мир исцелителем...» (Там же).

²⁸ «...А что ты говоришь, что Он сам никого не родил, то послушай пророка твоего, говорящего со слов Господних: “Я ли, заставляющий других рождать, Сам не могу родить?” Это ведь он сказал о народе, который вновь рождается в нем через веру...» (Там же).

²⁹ «...Разве Бог мог стать человеком, родиться от женщины, подвергнуться избиению и быть осужденным на смерть?...» (Там же).

³⁰ «...О том же, что Он родился от Девы, послушай также, что говорит твой пророк: “Се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Эммануил, что значит: с нами Бог”...» (Там же).

³¹ «...Верую, что Святая Мария была Девой как до рождения, так и после рождения [Христа]...» (Там же. С. 8).

«родителями» стали Бог-Отец и Дева Мария. Использование родственной терминологии лишь для именованья, без переноса на Бога-Отца и Бога-Сына сути связываемых с нею в реальном обществе отношений при отсутствии разработанного учения о «родственных связях» Христа, безусловно, затрудняло восприятие христианской догматики широкими массами, порождало большое количество вопросов и создавало широкое поле для искажения основных положений христианской веры.

Между тем, признание Иисуса Христа Богом-Сыном было важным моментом при обращении в христианство. Не случайно именование *Deus Filius* в «Истории франков» часто встречается именно в сообщениях о проповеди христианства (см. например: Hist. I. 25, 39) и обращении в него язычников, иудеев и ариан (см. например: Hist. I. 20; II. 30, 31, 34; V. 11). В общей сложности Иисус называется *Deus Filius* 30 раз в «Истории франков» и 13 – в остальных анализируемых нами произведениях (8 из которых приходятся на МА). В то же время словосочетание *Deus Pater* турский епископ использует значительно реже: менее 10 раз в «Истории франков», два раза в GM и один раз в VP. В повествованиях же о чудесах и житиях, написанных Григорием Турским, обращение в христианство является основным сюжетом, в связи с которым упоминается Бог-Сын (см., например: GM. 9. P. 44–45; 59. P. 78–79; 99. P. 104; VM. I. 11. P. 144–146; GC. 29. P. 316; MA. 1. P. 377–378; 3. P. 378–379; 6. P. 380; 10. P. 381–382; 12. P. 382–383; 18. P. 385–387; 24–25. P. 390–391).

Также Григорий Турский использует подчеркнутое обращение героев «Истории франков» к Иисусу Христу как Богу-Сыну в том числе для усиления драматического эффекта и демонстрации искренности его героев. Так, только воззвание к Богу-Сыну помогло молодому человеку выпытать причину печали его невесты в день свадьбы (Hist. I. 47. P. 30), а епископу, обвиненному в блуде, доказать свою невиновность (Hist. II. 1. P. 37):

...Illaque silente, adiecit: ‘Obsecro te per **Iesum Christum, filium Dei**, ut mihi quid doleas sapienter exponas...³² (Hist. I. 47. P. 30).

...Adiuro te per **Iesum Christum, filium Dei** omnipotentis, ut, si ego te generavi, coram cunctis edicas... (Hist. II. 1. P. 37)³³

Таким образом, именно Иисус как Бог-Сын изображается в качестве последней инстанции, способной помочь в сложных жизненных ситуациях. Возможно, это было связано с тем, что вера в него как Бо-

³² «...Но она молчала, и он опять: “Молю тебя, во имя Иисуса Христа, Сына Божьего, скажи мне толком, что ты горюешь?”...» (Там же. С. 22).

³³ «...Молю тебя во имя Иисуса Христа, Сына всемогущего Бога, если я твой отец, скажи об этом всем...» (Там же. С. 27).

Ср.:

га-Сына, вопреки всем сложностям его восприятия в качестве такового, рассмотренным выше, должна была удостоверить принадлежность говорящего к числу истинно верующих и достойных людей.

* * *

«Земная» семья Христа упоминается в работах Григория Турского значительно реже, чем семья «небесная». Так, в «Истории франков» Иисус называется не *сыном* Марии, а *filius hominis* и *filius virginis / mulieris* (*сын человеческий* и *сын девы / женщины*). Большая часть упоминаний об этом приходится на цитаты из Евангелия (Hist. V. 14; X. 13 (2). P. 497) и пересказ аргументов, выдвинутых неназванным участником церковного собора: «...Sed et dominus Iesus Christus ob hoc vocitatur filius hominis, quod sit filius virginis, id est mulieris...»³⁴ (Hist. VIII. 20. P. 387). Лишь в одном случае сам турецкий епископ использует словосочетание *filius virginis*: когда убеждает короля Хильперика I оказаться от его еретических взглядов на святую Троицу (Hist. V. 44. P. 253). Таким образом, он предпочитает не акцентировать родство Бога-Сына со смертной женщиной, вероятно, в связи с рассмотренными выше сомнениями в его божественности, которые подобная родственная связь провоцировала.

Мария называется *матерью* (*genetrix*) Иисуса Христа в «Истории франков» лишь трижды в отрывке из трудов другого автора, цитируемом Григорием Турским (Hist. IX. 42. P. 473–474; X. 1. P. 481). Сам Григорий Турский упоминает ее в связи с Иисусом Христом преимущественно в первой книге «Истории франков», сообщая о его зачатии и рождении. При этом, он предпочитает называть ее *девой* (*virgo*):

...Haec ille cernens, non passus est, se a martyrio subtrahi, sed erectis ad caelum oculis ait: '**Iesu domine**, qui gloriosus resedis ad **dexteram Patris**, ne patiaris me ab hoc stadio removeri, sed suscipiens animam meam, coniungere me tuis martyribus in requiae sempiterna dignare'... (...Видя это, он не позволил лишать себя мучений, но, возведя очи горе, сказал: «**Господи Иисусе**, сидящий во славе **одесную Отца**, непусти мне оставить ристалище сие, но призри на душу мою, сопричти меня к мученикам Твоим и вечного покоя сподобь...») – Hist. I. 35. P. 26; Григорий Турский 1987. С. 19).

...Et quia praesens non valui, quasi vestris provoluta vestigiis, epistulae vicarietate prosternor, coniurans per **Patrem et Filium** et Spiritum sanctum ac diem tremendi iudicii, sic repraesentatos vos non tyrannus obpugnit, sed legitimus rex coronet, ut, si casu post meum obitum... (...И так как я не могу сейчас предстать пред вами, то я в этом письме как бы, пав ниц, припадаю к вашим стопам и заклинаю во имя **Отца**, Сына и Святого Духа и страшным днем суда, да пощадит вас тиран, когда вы предстанете пред судом, а истинный царь венчает вас венцом... – Hist. IX. 42. P. 471; Григорий Турский 1987. С. 278–279).

³⁴ «...Но и Господь Иисус Христос потому называется сыном человеческим, что он является сыном девы, то есть женщины...» (Григорий Турский 1987. С. 230).

...Credo beatam Mariam,
ut **virginem** ante partum,
ita **virginem** et post
partum...³⁵
(Hist. I. Praef., P. 3).

...donec ipse Dominus
patriarcharum
prophetarumque
vocebus repromissus,
virginis Mariae utero
per Spiritum sanctum
inlapsus, ad redemptionem
nasci tam illius gentes
quam omnium gentium
dignaretur...³⁶
(Hist. I. 16. P. 15).

... Anno XLIII imperii
Agusti dominus noster
Iesus Christus, ut
diximus, ex **virgine**
Maria in Bethleem
David oppidum
secundum carnem
natus est...³⁷
(Hist. I. 19. P. 17).

В дальнейшем на страницах «Истории франков» ее имя упоминается преимущественно в названиях освященных в ее честь храмов (см., например: Hist. VII. 10. P. 332; VIII. 40. P. 407; X. 31. P. 532–533). При этом во Франкии конца VI в. сама Дева Мария почиталась. Об этом свидетельствует не только строительство базилики в ее честь в Туре, но и обращение к ее заступничеству в письме королевы Радегунды, основавшей монастырь Святого Креста в Пуатье (Hist. IX. 42. P. 472–474. См. также: Van Dam 1993. P. 31). Впрочем, как отмечает Р. Ван Дам, хотя Григорий и почитал реликвии Девы Марии, он сделал все, чтобы ее культ не затмил культ св. Мартина и других местных святых в Туре (Van Dam 1993. P. 33–34).

При этом акцент в «Истории франков» делается на ее непорочности и святости, а не на рождении ею Бога. В большинстве случаев упоминание имени Марии сопровождается здесь эпитетами *beata* и *sancta*. Таким образом, в глазах читателей «Истории» она предстает, прежде всего, как святая дева, а не *мать*. Григорий Турский стремился, чтобы его читатели связывали святость Девы Марии с сохранением ее невинности, несмотря на рождение ребенка, а не с тем, что она родила и воспитала Бога.

Схожую картину мы можем наблюдать и в других произведениях Григория Турского. Хотя в GM, VJ и VP Дева Мария называется им *genetrix* (GM. 8. P. 43; 29. P. 55; VP. V. Praef. P. 227) и даже *mater* (GM. 4. P. 39; VJ. 36. P. 129), однако чаще она фигурирует в житиях и рассказах о чудесах как *virgo* (GM. 2. P. 38; 8. P. 43 (2); 9–10. P. 45; 19. P. 50;

³⁵ «...Верую, что Святая Мария была Девой как до рождения, так и после рождения [Христа]...» (Там же. С. 8).

³⁶ «...пока Сам Господь, возвещенный голосами патриархов и пророков, не **вошел с помощью Святого Духа во чрево Девы Марии** и не удостоил родиться для искупления рода сего и всех родов...» (Там же).

³⁷ «...На 43 году царствования Августа в городе Давида – Вифлееме родился во плоти, как мы уже сказали, от **Девы Марии** наш Господь Иисус Христос...» (Там же. С. 14).

VP. XIX. Praef. P. 286) и *Maria* (GM. 1. P. 38; 4. P. 39; 9. P. 44 (2); 19. P. 50; VM. I. 5. P. 141; GC. 64. P. 335). Здесь турецкий епископ также не устает подчеркивать ее непорочность, когда называет ее матерью Христа (см., например: GM. 8. P. 43; VJ. 36. P. 129; VP. V. Praef. P. 227).

Как мать Мария у него фактически не взаимодействует с сыном. Лишь в одном случае сообщается, что Иисус поручил апостолу Иоанну позаботиться о ней после его смерти (GM. 29. P. 55). Упоминание об этом содержится и в «Истории франков» в письме королевы Радегунды (Hist. IX. 42. P. 474). В целом, она изображается как пассивная фигура, вся роль которой в жизни Христа сводилась к его вынашиванию (см., например: GM. 2. P. 38; VP. XIX. Praef. P. 286). Если в «Истории франков» она упоминается в сообщении о рождении Иисуса (Hist. I. 19. P. 17), то в GM уже нет (GM. 1. P. 38). Более «активной» Мария становится после смерти, совершая чудеса и превращаясь в типичную святую (GM. 8. P. 43; 9. P. 45; 19. P. 50), хотя и выделяющуюся в сонме других святых (VM. I. 5. P. 141; VP. V. Praef. P. 227). В житиях и повествованиях о чудесах, как и в «Истории франков», Григорий Турский называет ее *gloriosa, sancta* и *beata*, упоминает о ее реликвиях (GM. 10. P. 45) и освященных в ее честь церквях (GM. 8. P. 43; 9. P. 44; 19. P. 50; GC. 64. P. 335).

Тем не менее, читатель и здесь не видит Марию в качестве *матери*, как и Христа в роли ее *сына*. Ее участие в судьбе Иисуса сводится Григорием Турским только к его рождению: «...Nec enim potest fieri, ut deficiat triticum in eius monasterium, quae frugem vitae ex utero pereunti intulit mundo...»³⁸ (GM. 9. P. 45). Дева Мария полностью исключается им из дальнейшей жизни Бога-Сына, возникая вновь лишь в момент его смерти в качестве такой же пассивной фигуры, какой она фактически была при его зачатии. Она не предстает перед нами идеалом *матери*, на который могли бы равняться другие женщины.

Причина этого может заключаться в нежелании приписывать женщине какую-либо роль в земном пути Бога-Сына. Кроме того, более подробное изображение Марии в роли *матери* могло послужить приданию большего значения смертной составляющей в природе Христа, заставив воспринимать его как обычного *сына*, и способствовать усилению сомнений в его божественности. Наконец, Григорий Турский мог сознательно «замалчивать» роль Марии в жизни Христа, стремясь сдержать распространение ее культа во Франкии в ущерб другим святым, таким как св. Мартин Турский.

Иосиф упоминается лишь в «Истории франков» как «*vir Marie, de qua dominus noster Iesus Christus nascitur*» (Hist. I. 16. P. 15) и лишается

³⁸ «...Этот монастырь никогда не оставляла без пропитания та, что из чрева своего произвела плод жизни в гниющем мире ...» (перевод мой. – Ю. В.).

какой-либо роли в дальнейшей жизни своего божественного пасынка. Именно Бог-Отец изображается как присутствующий с Христом в ключевые моменты его жизни: при крещении (Hist. VI. 40. P. 312), совершении чудес (Hist. V. 43. P. 250), крестных муках (Hist. V. 43. P. 250; VI. 40. P. 312–313), воскрешении (GM. 3. P. 39). Однако, хотя он и заявляет о любви к сыну («...Hic est, ait, Filius meus dilectus, in quo bene conplacui...»³⁹ – Hist. VI. 40. P. 312), его поведение не похоже на то, которого можно было бы ожидать от «земного» отца. Он предстает, скорее, как сторонний наблюдатель, не принимающий активного участия в жизни своего ребенка. Таким образом, в произведениях Григория Турского Христос изображается, по сути, как лишенный и матери, и отца.

Сын Иосифа Иаков, несмотря на отсутствие кровного родства с Христом, называется Григорием Турским «*frater Domini*» (Hist. I. 22. P. 18; 26. P. 20; GM. 26. P. 53). Однако турецкий епископ поясняет, что «Ioseph fuerit filius ex alia uxore progenitus»⁴⁰ (Hist. I. 22. P. 18). Он упоминает его всего четырежды в своих произведениях (Hist. I. 22. P. 18; 26. P. 20; GM. 26. P. 53; GC. 30. P. 316), лишь дважды связывая его с Христом. При этом Иаков у него никогда не взаимодействует с живым Иисусом (см., например: Hist. I. 22. P. 18; GM. 26. P. 53).

Таким образом, создается впечатление, что Григорий Турский предпочитает не акцентировать родственные связи Иисуса Христа с его «земной» семьей. Причиной этого могла быть как ограниченность знаний самого турецкого епископа о них, так и тот факт, что при создании своих произведений Григорий Турский не ставил перед собой цели написать подробную биографию Христа или создать сборник примеров поведения родственников, достойных подражания или порицания, в котором истории из жизни Иисуса и членов его семьи могли бы играть важную роль. Однако не менее важным представляется и то обстоятельство, что автор «Истории франков», будучи практикующим епископом, мог предвидеть определенные трудности восприятия подобных историй, которые потенциально могли возникнуть у его аудитории.

Так, одна из проблем была связана с тем, что Мария, будучи замужем, родила сына «*sine coitu viri concipiens*»⁴¹ (GM. 9. P. 45). Таким образом Иисус фактически был внебрачным ребенком, поскольку был рожден ею не от мужа. Сомнения в равенстве Бога-Отца и Бога-Сына вынуждали Григория Турского, с одной стороны, подчеркивать, что отцом Христа был Бог-Отец («*Dominus... inplens uterum Virginis sine semine*»⁴² –

³⁹ «...Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в котором Мое благоволение...» (Григорий Турский 1987. С. 185).

⁴⁰ «...он был сыном Иосифа от второй его жены...» (Там же. С. 15).

⁴¹ «...не сочтаясь с мужем...» (перевод мой. – Ю. В.).

⁴² «...Господь... наполнил чрево Девы, не излив в него семени...» (перевод мой. – Ю. В.).

VJ. 36. P. 129), а с другой стороны, утверждать непорочность Марии («ante partum ita virgo creditur et post partum»⁴³ – GM. 8. P. 43). Все это весьма затрудняло восприятие роли Иосифа в его браке с Марией. Однако совсем отказаться от упоминаний о нем, вероятно, было невозможно, поскольку тогда Иисус представлялся бы рожденным вне брака, что противоречило Евангелию и могло еще больше повредить его «репутации». Вероятно, поэтому роль Иосифа Григорием Турским сведена к минимуму. В «Истории франков» – единственном его сочинении, где упоминают Иосиф, – известия о рождении у Марии Христа и о наличии у нее мужа «разводятся». Сначала турецкий епископ сообщает, что «Dominus... virginis Mariae utero per Spiritum sanctum inlapsus, ad redemptionem nasci»⁴⁴ (Hist. I. 16. P. 18), а затем, рассказывая о хронологии событий, упоминает Иосифа, называя его мужем Марии, локализуя его таким образом во времени (Hist. I. 16. P. 18).

Более частое упоминание Иосифа или описание его «отцовского» поведения по отношению к Иисусу Христу могло, в свою очередь, укрепить сомнения в том, что отцом Иисуса действительно был Бог-Отец, а не муж Марии. О том, что подобные сомнения существовали, свидетельствует дискуссия Григория Турского с евреем Приском, который был приближенным короля Хильперика I («Deus non egit coniugium neque prole ditatu»⁴⁵ – Hist. VI. 5. P. 269). Таким образом, Григорий Турский, по сути, был вынужден доказывать, что Мария нарушила супружескую верность, и Иисус действительно был ребенком, рожденным ею не от мужа. Буду убежденным сторонником святости христианского брака и супружеской верности, а также обличителем неразборчивых в сексуальных и брачных связях Меровингов (см., например: Hist. IV. 3. P. 136–137; 9. P. 141; 26. P. 157–159; 27. P. 160), он мог испытывать определенный дискомфорт, делая это.

Некоторые трудности могли сопровождать и восприятие идеи о том, что Мария оставалась девственницей в браке с Иосифом. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что Григорий Турский был вынужден многократно повторять тезис о сохранении ею непорочности как во время зачатия, так и после рождения Христа (Hist. I. Praef. P. 3; 16. P. 15; 19. P. 17; VI. 5. P. 269; GM. 8. P. 43; 9. P. 45; VJ. 36. P. 129; VP. V. Praef. P. 227; XIX. Praef. P. 286). Как отмечает К. Аткинсон, в период раннего Средневековья в связи с необходимостью утверждения христианских идеалов, догматов и ценностей среди населения Европы

⁴³ «...Верую, что Святая Мария была Девой как до рождения, так и после рождения [Христа]...» (Григорий Турский 1987. С. 8).

⁴⁴ «...пока Сам Господь... не вошел с помощью Святого Духа во чрево Девы Марии и не удостоил родиться искупителя...» (перевод мой. – Ю. В.).

⁴⁵ «...Бог и в брак не вступал, и потомства не плодит...» (Григорий Турский 1987. С. 160).

церковь считала предпочтительным для женщины сохранение девственности и превозносила духовное материнство (Atkinson 1991). Судя по сочинениям Григория Турского, он сам придерживался подобных взглядов и рассматривал сохранение супругами целомудрия как идеальный вариант построения брачных отношений. Однако, по всей видимости, далеко не все общество Франкии разделяло эти идеи. Показательным в этом отношении является тот факт, что, как отмечает И. Реаль, женщин-святых в меровингской Галлии было гораздо меньше, чем мужчин, и лишь единицы из них смогли сохранить девственность (Réal 2001. P. 265–266). Так, Григорий Турский в своих сочинениях упоминает порядка десяти святых-девственниц (GM. 37. P. 61–62; 90. P. 98–99; GC. 5. P. 301; 18. P. 307–308; 33–34. P. 318–319; 75. P. 342–343; 89. P. 355; 103. P. 363–364; 107. P. 366). Однако эти женщины либо жили до эпохи Меровингов, либо время их жизни не поддается точному определению. В «Житии отцов», упоминается единственная женщина – св. Монегунда, но время ее жизни также точно не установлено. Кроме того, она была замужем и покинула мужа ради служения Господу только после смерти их общих детей. Таким образом, возможность сохранения женщиной девственности в браке вполне могла показаться некоторым современникам Григория Турского неправдоподобной:

...Incredibile est, mulierem viro iunctam pollui non posse, sed nec vir poterit artubus mulieris iunctus a coitu abstinere. Sic etenim Salamonis proverbia proferunt: Nemo, ait, tangens picem, mundus poterit esse. Neque enim in sinu ignem quis gestiens non cremabitur. Ergo videmus vos uno in thoro recumbere, et suspicari aliud possumus, nisi misceamini simul?..⁴⁶ (GC. 75. P. 343).

В этой связи, обращает на себя внимание тот факт, что турский епископ предпочитает не использовать в качестве образца одобряемого им поведения «целомудренный» брак Марии и Иосифа. В качестве такового в своих произведениях он представляет семьи епископов и сенаторов. В «Истории франков» он рассказывает о браке некоего сенатора Иньюриоза, который под влиянием своей верующей жены решил не вступать с ней в супружеские отношения (Hist. I. 47. P. 30–31). В GC он приводит в пример «целомудренных браков» двух епископов (GC. 74–75. P. 341–343). Очевидное отличие между этими браками и супружеством Марии и Иосифа заключалось в том, что в семьях сенатора и епископов так и не родились дети. Возможно, именно рождение у Марии Иисуса Христа

⁴⁶ «...Равно невозможно, и чтобы жена, будучи в браке, не была познана мужем, и чтобы муж мог воздержаться от соития со своей женой. Так и в Притчах Соломоновых сказано: «Никто, касаясь смолы, не может остаться чистым». Не существует такого человека, который не был бы опален пламенем плотского желания. Мы видели вас лежащими на одном ложе, и посему, нам очевидно, что вы вступали в соитие...» (перевод мой. – Ю. В.).

препятствовало представлению ее брака в качестве идеального «непорочного» супружества.

Это возвращает нас к вопросу о сложности восприятия догмата о непорочном зачатии Христа франкским обществом. Косвенно об этом свидетельствует сюжет о предполагаемом рождении внебрачного ребенка у епископа Тура Брикация: даже когда новорожденный, вдохновленный Господом, подтвердил, что Брикаций не является его отцом, жители Тура не поверили ему и изгнали епископа из города (Hist. II. 1. P. 37–38). Таким образом, во Франкии VI в. доказать свою непорочность при наличии детей (настоящих, как в случае Марии, или предполагаемых, как в случае Брикация) было достаточно не просто даже с Божьей помощью.

Поведение, одобряемое Григорием Турским, но, возможно, противоречащее представлениям, существовавшим в некоторых кругах франкского общества VI в., демонстрирует у него и Иаков – сводный брат Христа. Первоначально в «Истории франков» он предстает как верный его последователь, и лишь позже сообщается, что он был также братом Христа и сыном Иосифа от другой его жены (Hist. I. 22. P. 18). Таким образом, Григорий Турский как бы «уравновешивает» «неверность» Марии мужу. В GM Иосиф не упоминается, и уточнение о том, откуда у Иисуса взялся брат, отсутствуют. При этом сводный брат, хотя и был старше, называется преданным учеником Иисуса, принявшим смерть за проповедь его учения (Hist. I. 26. P. 20; GM. 26. P. 53). Последнее резко контрастирует с поведением многих братьев – героев произведений Григория Турского (подробнее см.: Вершинина 2015). Однако турецкий епископ, как и в случае с «целомудренным» браком Марии и Иосифа, не использует в полной мере дидактический потенциал данного сюжета, хотя одна из основных целей, которую он ставил перед собой при написании «Истории франков», по его собственным словам, – рассказать о раздорах между королями-братьями из рода Меровингов, которые ослабляют Франкское королевство (Hist. V. Praef. P. 193–194). В то же время, это могло быть связано и с преобладающим восприятием отношений между братьями, как основанных на равенстве их положения в семье, которое нашло отражение в «Истории франков».

* * *

Переходя к выводам, необходимо отметить следующее. В произведении Григория Турского Иисус Христос изображается в качестве члена двух семей – «земной» (его мать Мария, ее муж Иосиф и сын последнего Иаков) и «небесной» (Бог-Отец). С точки зрения терминологического описания его родственных связей обращает на себя внимание тот факт, что для указания на Бога-Отца и Бога-Сына Григорий Турский использует

ет те же слова, что и для обозначения «земных» отцов и сыновей – *pater* и *filius*. Для описания же взаимоотношений Христа с матерью Марией автор «Истории франков» предпочитает не прибегать к терминам *filius* и *mater*. Богоматерь преимущественно называется им *virgo* и *Maria*. Единственный раз в «Истории франков» как *vir Marie* упоминается Иосиф. При этом его родство с Христом напрямую не обозначается. Лишь рассказывая об Иакове – сыне Иосифа, называя его *frater Domini* и уточняя, что он был сыном Иосифа от другой жены, Григорий Турский косвенно указывает на то, что Иисус был пасынком последнего. Таким образом, для описания родства в рамках «земной» семьи Григорий Турский избегает использовать соответствующие термины родства, рассказывая же об отношениях Иисуса с Богом-Отцом он в подавляющем большинстве случаев применяет только их.

Последнее обстоятельство было связано не с личным выбором турского епископа, но продиктовано сложившейся традицией. Однако, как свидетельствуют рассматриваемые произведения, это приводило к тому, что на отношения Бога-Отца и Бога-Сына вольно или невольно переносились представления об отношениях между «земными» *отцами* и *сыновьями*, с такими их особенностями, как более низкое и подчиненное положение последнего по отношению к первому. Таким образом, использование терминов родства влияло на толкование Священного Писания и проводило к появлению ересей, таких как арианство, обличению ложности учения которых Григорий Турский отводил важное место в своих произведениях. Он подчеркивал, что термины родства в данном случае указывают лишь на способ установления отношений, но не на порядок их возникновения или суть.

Использование терминов родства для обозначения Бога-Отца и Сына также приводило к сомнению в божественности последнего, поскольку, как утверждал еврей Приск в споре с Григорием Турским, Бог не имел жены, а значит, не мог иметь и сына. Если же женщина родила в браке ребенка, отцом которого она назвала Бога, то можно ли считать такого сына Богом? Вероятно, подобные подозрения были распространены во Франкии VI в. не только среди евреев, поскольку в своих произведениях турский епископ постоянно подчеркивает непорочность Девы Марии, которую она сохранила как после зачатия, так и после рождения Христа. Таким образом, божественность последнего подтверждается, по мнению автора «Истории франков», невозможным с точки зрения физиологии зачатием и рождением ребенка при сохранении женщиной девственности.

Возможно, упомянутые выше сомнения повлияли на то, как турский епископ изображал отношения Иисуса с его родственниками. Взаимоотношения Бога-Отца и Бога-Сына у турского епископа вовсе не напоминают привычные его аудитории отношения отцов и сыновей.

Последнее оправдано в связи с отстаиваемой им позицией о том, что у Бога-Отца и Бога-Сына с «земными» отцами и сыновьями общими были лишь термины родства, используемые для обозначения и тех и других. Григорий Турский, будучи убежденным сторонником католичества, утверждал равенство возраста, божественности и могущества Иисуса Христа и Бога-Отца.

Члены «земной» семьи Иисуса в рассматриваемых произведениях фактически не участвуют в его жизни. Его мать появляется рядом с ним лишь в момент рождения и смерти. Образ Марии – это образ не матери, но святой, пассивной при жизни, но совершающей чудеса после смерти. Сводный брат Христа Иаков взаимодействует с ним лишь после его смерти. Он верный ученик и последователь Мессии, но не проявляет себя как родственник. Таким образом, Иисус у Григория Турского хотя и имеет родственников, фактически лишен семьи. Возможно, подобное его изображение было призвано сместить фокус внимания аудитории с его связей с «земным» миром, чтобы не давать лишнего повода сомневаться в его божественной сущности. В то же время, «земная» семья Христа не в полной мере соответствовала взглядам ни на «обычное» (в браке у женщины родился ребенок, но не от ее мужа), ни на «идеальное» (брак был «непорочным», но в нем родился ребенок) супружество, господствовавшим во франкском обществе VI в. Все эти соображения могли препятствовать использованию Григорием Турским сюжетов из «семейной» жизни Иисуса Христа (при условии его знакомства с ними) в дидактических целях как эталона поведения для верующих.

Вероятно, в том числе и в связи с перечисленными выше проблемами культ Святого семейства получил свое развитие не ранее XIII в., когда в общественном сознании утвердились в виде догматов ряд положений, связанных с семейными связями и отношениями Христа.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Вершинина Ю.Е., Маслов А.Н. К вопросу о переживании родственных связей в период раннего Средневековья (на примере концептов *germanus*, *frater* и *fraternitas* в исторических сочинениях Григория Турского, Беды Достопочтенного и Павла Диакона) // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2015. № 3. С. 37–49. [Verzhinina Yu.E., Maslov A.N. K voprosu o perezhivanii rodstvennykh svyazey v period rannego Srednevekov'ya (na primere konceptov *germanus*, *frater* i *fraternitas* v istoricheskikh sochineniyah Grigoriya Turskogo, Bedy Dostopochtennogo

i Pavla Diakona) (On the Issue of Experiencing Family Ties in the Early Middle Ages (on the Example of the Concepts *germanus*, *frater* and *fraternitas* in the Historical Writings of Gregory of Tours, Bede the Venerable and Paul the Deacon)) // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Nizhnij Novgorod, 2015. № 3. S. 37–49.]

Григорий Турский. История франков / Пер. с лат. и коммент. В.Д. Савукова. М.: Наука, 1987. 462 с. [*Grigoriy Turskiy*. Istoriya frankov (*Gregory of Tours*. History of the Franks) / Per. s lat. i komment. V.D. Savukova. Moscow: Nauka, 1987. 462 s.]

Григорий Турский. Книга о чудесах блаженного апостола Андрея / Пер. с лат. М.А. Тимофеева // Альфа и Омега. 1999. № 3(21). С. 214–242. [*Grigoriy Turskiy*. Kniga o chudesah blazhennogo apostola Andrey (*Gregory of Tours*. The Book about the Miracles of the Blessed Apostle Andrew) / Per. s lat. M.A. Timofeeva // Al'fa i Omega. 1999. № 3(21). S. 214–242.]

Григорий Турский. Страдание семи святых мучеников, в Эфесе почивших, переведенное на латынь Георгием Флоренцием (Григорием, епископом Турским) / Пер. с лат. М.А. Тимофеева // Альфа и Омега. 1998. № 3(17). С. 175–180. [*Grigoriy Turskiy*. Stradanie semi svyatykh muchenikov, v Efese pochivshih, prevedennoe na latyn' Georgiem Florenciem (Grigoriem, episkopom Turskim) (*Gregory of Tours*. The Suffering of the Seven Holy Martyrs who Died in Ephesus, translated into Latin by George Florence (Gregory, Bishop of Tours)) / Per. s lat. M.A. Timofeeva // Al'fa i Omega. 1998. № 3(17). S. 175–180.]

Ефремова Ю.А. Трактат Григория Турского «Расчет движения звезд» как исторический источник // Средние века. 2010. Вып. 71 (3–4). С. 145–157. [*Efremova Yu.A.* Traktat Grigoriya Turskogo “Raschet dvizheniya zvezd” kak istoricheskij istochnik (Treatise of Gregory of Tours “Calculation of the Motion of the Stars” as a Historical Source) // Sredniye veka. Vyp. 71 (3–4). 2010. S. 145–157.]

Савукова В.Д. Григорий Турский и его сочинение // *Григорий Турский*. История франков. М.: Наука, 1987. С. 321–350. [*Savukova V.D.* Grigorii Turskii i ego sochinenie (Gregory of Tours and his Work) // *Gregorius Turonensis*. Istoriya frankov. Moscow: Nauka, 1987. S. 321–350.]

Atkinson C.W. The Oldest Vocation. Christian Motherhood in the Middle Ages. Ithaca; New York, 1991.

Dailey E.T. Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite. Leiden; Boston, 2015.

Goffart W. The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. Notre Dame, 2005.

Gregorii Episcopi Turonensis. Historiarum Libri X / Hrsg. von B. Krusch et W. Levison (MGH SS rer. Merov.; V.1.1). Hannoverae, 1951. P. 1–537.

Gregorii Episcopi Turonensis. Liber in gloria martyrum / Hrsg. von B. Krusch (MGH

- SS rer. Merov.; V.1.2). Hannoverae, 1969. P. 34–111.
- Gregorii Episcopi Turonensis. De passione et virtutibus sancti Iuliani martyris* / Hrsg. von B. Krusch (MGH SS rer. Merov.; V.1.2). Hannoverae, 1969. P. 112–133.
- Gregorii Episcopi Turonensis. De virtutibus sancti Martini episcopi* / Hrsg. von B. Krusch (MGH SS rer. Merov.; V.1.2). Hannoverae, 1969. P. 133–210.
- Gregorii Episcopi Turonensis. Liber vitae partum* / Hrsg. von B. Krusch (MGH SS rer. Merov.; V.1.2). Hannoverae, 1969. P. 211–283.
- Gregorii Episcopi Turonensis. Liber in gloria confessorum* / Hrsg. von B. Krusch (MGH SS rer. Merov.; V.1.2). Hannoverae, 1969. P. 284–370.
- Gregorii Episcopi Turonensis. Liber de miraculis beati Andreae apostoli* / Hrsg. von B. Krusch (MGH SS rer. Merov.; V.1.2). Hannoverae, 1969. P. 371–395.
- Gregorii Episcopi Turonensis. Passio sanctorum martyrum septem dormientium apud Ephesum* / Hrsg. von B. Krusch (MGH SS rer. Merov.; V.1.2). Hannoverae, 1969. P. 396–403.
- Heinzelmann M. Gregory of Tours: History and Society in the Sixth Century*. Cambridge, 2001.
- Heinzelmann M. Gregory of Tours: The Elements of a Biography // A Companion to Gregory of Tours* / Ed. by A.C. Murray. Leiden; Boston, 2015. P. 7–34.
- Krusch B. Georgii Florentii Gregorii episcopi Turonensis libri octo miraculorum* / Hrsg. von B. Krusch (MGH SS rer. Merov.; V.1.2). Hannoverae, 1969. P. 1–370.
- Réal I. Vies de saints, vie de famille: Representation et système de la parenté dans le royaume mérovingien (481–751) d’après les sources hagiographiques*. Turnhout, 2001.
- Theis L. Saints sans famille? Quelques remarques sur la famille dans le monde franc à travers les sources hagiographiques // Revue Historique*. 1976. T. 255, fasc. 1 (517). P. 3–20.
- Van Dam R. Different Saints, Different Cults // Saints and Their Miracles in Late Antique Gaul*. Princeton, 1993. P. 11–50.

Yuliya E. Vershinina

GOD WITHOUT A FAMILY? THE FAMILY OF JESUS AND ITS REPRESENTATION IN THE WORKS OF GREGORY OF TOURS

The article is dedicated to the reconstruction of vision of Jesus Christ’s kinship ties in the historical and hagiographic narratives, as well as in the books of the miracles written by Gregory of Tours, one of the most famous and renowned writers of the early Middle Ages. We made an attempt to analyze the terminology used to depict the family ties of God the Son, namely, to establish which words were used to designate his “earthly” and “heavenly” relatives. We found out that to describe kinship within

the “earthly” family, Gregory of Tours tried to avoid using kinship terms, while depicting the relationship of Jesus with his God the Father, in the overwhelming majority of cases, he used only them. Voluntarily or not, this led to transferring the ideas of the relationship between “earthly” fathers and sons, such as the lower and subordinate position of the latter in relation to the former, on the relationship between God the Father and God the Son. Thus, the use of kinship terms influenced the interpretation of Holy Scripture and led to the emergence of heresies such as Arianism, the falsity of which Gregory of Tours denounced in his writings. The bishop of Tours emphasized that in case of God the Father and God the Son kinship terms indicate only the way the relationship was established, not the order of their origin or their essence. Reconstruction of the images and roles of the relatives in the life of Jesus as shown in Gregory of Tours’ works demonstrated that the members of his “earthly” family did not actually participate in his life. His mother appeared next to him only at the moments of his birth and death. Mary is depicted not as a mother, but as a saint, passive during her life, but performing miracles after death. Christ’s half-brother Jacob is his faithful disciple and follower, but does not behave as a relative. Thus, although Jesus in Gregory of Tours’ works had relatives, he was actually deprived of his family. Moreover, the article tries to establish how the views on the relationship between relatives current in Merovingian Gaul in the 6th century influenced bishop of Tours’ perception of Christ’s kinship ties. In particular we learned that Christ’s “earthly” family did not fully correspond to the views of either “ordinary” (a woman had a child in marriage, but not her husband’s child), or “ideal” (the marriage was “immaculate,” but a child was born in it) marriage, dominating in the Frankish society of the 6th century. All these considerations could prevent Gregory of Tours from using stories from Jesus Christ’s “family” life (if he knew them) for didactic purposes as a standard of behavior for Christians. Gregory of Tours’ polemics with heretics was analyzed in order to identify to what extent his ideas about Christ’s family relations were shared by his contemporaries. The later probably had some suspicions about the divinity of God the Son, since in his narratives the bishop of Tours constantly proclaimed the equality of God the Father and God the Son and emphasized the integrity of the Virgin Mary, which she preserved both after conception and after the birth of Christ. In addition, our aim was to identify the genre features of the depiction of Jesus’ family ties in the various narratives of the bishop of Tours. It was found out that the narratives of miracles and saints’ lives probably being intended by their author, first of all, for Catholics who already firmly believed in the equality of God the Father and God the Son didn’t contain detailed descriptions of author’s views on God the Father and God the Son relationships while the “History of the Franks” likely aimed to a wider audience, including the Arians or people who still doubted the Catholic Church’s doctrine of the Trinity was supplied with persuading arguments from Scripture on the matter.

Key words: kinship, God the Father, God the Son, Jesus Christ, Virgin Mary, Gregory of Tours, *History of the Franks*, the early Middle Ages

DOI: 10.32608/1560-1382-2022-43-16-42